

Шахимарден

За живность

Лет пять назад у Рабии была быть последняя интимная драма. Этот эстонец... художник. Эстонец? А почему нет? Жил у нее. Соседям Рабия как-то бросила, что не живет он у нее, а работает. Он действительно работал. Писал ее портрет и что-то мрачно рассказывал ей на эстонском. Написал полотно и увез с собой. Рабия прощала ему все. И пепел в кисушках, и перегар от яблочного вина, по рубль двадцать, кажется. Сама она никогда не покупала такого принципиально, так как была гордой и считала, что этим женщина унижает не только себя, но и свою любовь. В прошлом году он прислал ей письмо, на эстонском языке. Рабия с трудом нашла эстонско-русский словарь, почти по интуиции перевела письмо, оказалось, плакался, писал, что ему очень чего-то... последнего слова в словаре не оказалось.

Рабия, женщина даром что боевая, терялась, когда неясно было, за что и за кем ей держаться. Она уважала принцип очередности. А встав на свое законное место, она сразу же успокаивалась, как бы далека ни была от заветной цели. Сейчас же приходила конкретная убежденность, что когда-нибудь она возьмет свое. И не надо бегать, суетиться, волноваться, с кем-то шептаться-договариваться, кого-то просить, хитрить, врать; наконец, просто стыдиться тех, кого сумела обойти. Стыдиться и того, что неожиданно-негаданно с неба упал в ее уют этот... художник, оказавшийся женатым. Когда не имеешь выстраданного, последовательного в событиях брачного права, разве это твое? Значит, как-то словчила, будешь наказана. Так оно и произошло с этим прибалтом.

Замечательно. Что-то сдвинулось в сознании Рабии. Актриса. И она косолапо вышла из дома как вполне себе Рабиева.

Грузно и валко подъехавший автобус с тяжким скрипом раскрыл двери и в потугах разродился плотной толпой пассажиров. Час пик. Рабия отчаянно бросилась к передней двери, но не рванулась в нее, а пристроилась за полной женщиной, как она заметила, подошедшей к автобусной остановке раньше ее. Этот секундный, вполне естественный благородный шагок в сторону и погубил ее. На ступеньку салона встал мужчина с бритым затылком. И пока Рабия смело кричала Затылку, что он козел, что лезет без очереди – все видели,

что она пропустила из-за таких, как он, три нужных ей рейса... сзади навалили, отжали ее в сторону, и когда она все же добралась до створок дверей, протиснуться в автобус не было никакой возможности.

Ох, как бы она вцепилась в тот Затылок, но он был не только брит, но уже и недосыгаем, исчезнув среди вздернутых плеч и лиц. Вот так всегда.

Автобус отъехал. Рабиязло плюнула вслед. Наверное, она – худая, длинная, носатая – выглядела со стороны смешно, но ей плевать. Женщина она решительная и резкая. Могла ответить, когда надо, кому угодно на любом из мыслимых стилей и жаргонов. И откровенным жестом тоже. И письмом в организацию и местком. Надо будет – и заявлением в суд. И все это из-за того, что вечный вектор к справедливости вечно обиженного человека буквально торчал из нее, как перст. В борьбе за справедливость Рабиязнемогала, но жила. А ведь все можно устроить легко и гармонично и, главное, – честно. Надо только всем соблюдать очередность. И все. Вот сейчас, к примеру, что трудного было всем желающим ехать встать в очередь, как в фильмах о москвичах пятидесятых, и не было б давки, озлобленности, оторванных пуговиц...

Горожане вновь скопились на остановке, поглядывая друг на друга отчужденно и устало, запестрели среди них цыгане с мешками и детьми. Два цыгана, седой в хромовых сапогах и молодой в джинсах «Ранглер», молча пересчитали их взглядами, сели в такси и уехали. Напротив, через дорогу, окончился сеанс в кинотеатре, и оттуда к остановке потянулись люди, все еще чуть зачарованные иллюзиями синематографа, но и они будут биться за свои автобусные места локтями.

Рабиярешила переждать, благо у нее оставалось дельце на Главпочтамте. Не ехать же ей на такси, рядовому корректору рядового издательства. И она пошла широким шагом, на ходу успокаивая себя: «Так тебе и надо, дуре! Так тебе и надо. Умнее будешь». Шла она по тенистой улице. Вдоль тротуара стояли тополя. Росли они ровно, не давя друг на друга, свободно, уверенно, встав в свою очередь в вечность.

У нужной Рабиеве стойки в зале Главпочтамта ожидали своей очереди человек семь. Рабиявстала за последним, настойчиво уточнила, не занимал ли кто перед ней очередь заочно, огляделась и принялась бдительно следить за общим движением. Не думалось ни о чем, лишь мелькнуло: «А почему бы и мне не попробовать сунуться без очереди? Что я, хуже других? Лезут... Лезут! Ух, всех бы их!». Но пренебречь принципом очередности Рабияне смела, и вовсе не оттого, что робела перед гражданами, а потому, что тогда терялся всякий смысл ее, рабиевской, организации мира. Нет, Рабияне была членом тайной религиозной секты очередников, очередей не любила, а кто их любит? Но по ее убеждению, очередь была естественна, как смена дней. Сегодня очереди у касс Аэрофлота, завтра у касс космодромов... У командировочных на Марс льготы, но встретились двое перед лицом кассира – опять же очередь. Конечно, это прекрасно, иметь все, ни в чем не нуждаться, а если потребуются – нажать на кнопку пульта собственной кухни, и вот тебе вырезка, а вот

двойной кокос. Хотя... не хлебом единым жив человек, нельзя всем жителям миллионного города попасть на семь концертов спешных гастролей звезды эстрады. Тут кнопка не поможет, надо отстоять свое... Нет, не нужны Рабиевой кокосы, а в гастрономе она всегда свое отстоит, по вот когда именно это «не хлебом единым»... Бог с ней, с певицей живьем, есть телящик. Здесь другое. Скажем, подала она заявление в газету в рубрику «Знакомства», очередность времени публикации еще можно отстоять, а дальше? Ведь этих усатых в брюках не выкладывают на прилавок, они сами чего-то там хотят. Если бы и в этом порядок был... как хорошо. Подождала года два, все-таки дефицит, и звонок в дверь, приносят: «Здравствуйте, это ваш. Распишитесь». Справедливо? Да.

Понятно, Рабияне только относилась к себе строго, встав на невидимый транспортер, она никому не позволяла проскочить мимо нее. Конечно, были исключения. Случалось, мать с грудным ребенком в булочной – пожалуйста, но она с тем же дитятей в вестибюле кинотеатра — никогда. Потом есть права на внеочередность, заслуженные кровью и трудом. И против них Рабияникогда не возражала, не возмущалась даже в душе. И неловко ей было видеть иногда, как пихают в бок, в сторону старичка с медалью, виноватого только в том, что история так распорядилась с ним, что эта медаль стала неизбежна в его жизни. Право есть право. Но вот племя пройдох, выскочек, ловкачей было ей ненавистно, как воровская банда. Да, они воры, хотя никакой уголовной ответственности кодекс не предусматривал за пронырливость в кишке очередей. Они воры, воры уж только оттого, что воруют у тебя веру в справедливость. За это ноги надо отрубать!

Постояв несколько минут в очереди без необходимости оголять нервы, Рабияуспокоилась окончательно. И как-то вдруг повеяло приятным запахом. Рабияобернулась. За ее спиной стоял Интересный Мужчина. Он вежливо обратился к ней со стандартным вопросиком: «Вы будете крайней?». Именно не последней, а крайней. Неточно, зато мягко, уважительно. Все вызывало в нем доверие и симпатию: элегантная костюмная тройка строгого тона, чистые края воротника белой рубашки и аккуратный узел галстука, умное, доброжелательное лицо, слегка ироничное. А потом эта манера смотреть с ленцой в сторону и внимательно в глаза.

Запах, конечно же, струился от него, настоящий мужской дух, облагороженный дорогим одеколоном. Он словно приклеил ее к себе, хотя даже не прикасался к ней, хотя многие в очереди позволяли себе притиснуться. Такой Интересный Мужчина себе этого не позволит, нет, не от робости и не от атрофированности мужицкой наглости. Он сам притягивал к себе своим, данным лишь ему достоинством.

Рабияотвлеклась от своего привычного дозора за очередью, и только когда она вся засмялась и загалдела, она опомнилась и принялась тут же бойко разбираться в причинах очередного житейского хаоса. А виновницей его оказалась глуховатая старушка в платье и косынке из многостираного черного сатина. Самым главным для Рабиевой было установить, действительно ли

старуха добралась до обслуживающей Почтдевы законно. Выяснилось — да. Все дело было лишь в том, что Почтдева в индийской расшитой блузке никак не могла понять, что еще кроме доброго «пожалуйста». нужно этой старушке. Рабиева, разобравшись, не стала вникать в суть разговора, как-нибудь разберутся без нее. Но выяснение отношений между Почтдовой и старушкой затягивалось, время шло, и все стали проявлять нервное нетерпение. Кое-кто стал возмущаться в воздух. Интересный Мужчина явно прислушивался к разговору, но он, как и Рабиева, не лез со своими советами и догадками. Они были единственными, кто стал вести себя спокойно. Почтдева уже срывалась:

– Ах, пожалуйста, можете идти куда угодно! Я-то не виновата.

– Ты, доча, не спеши, не спеши. Ты вот послушай меня, старую. Я к прокурору-то не пойду, – старушка говорила не спеша, степенно прожевывая оголенными деснами мякиш слов.

– Ах, пожалуйста, хоть к прокурору...

– Я чужого не хочу, доча.

– Ах, пожалуйста!

– А ты выдай.

– Ах, бабушка, я же выдала вам пенсию. Вот у вас и деньги на руках.

– Так ты и дочки моей инвалидные-то выдай. Троих детишек на меня оставила, хворобушка. А как жить-то мне, как их поить-то, кормить? Пенсия не генеральши какой.

– Ах, бабушка, поймите, наконец, пожалуйста, нет у меня на вас больше перечисления. Как же я вам выдам ее деньги? Нельзя это. Пусть сама придет за своими инвалидными.

– Как жеть она придет, если померла она, страдальца?

– Застрелиться можно! Какие могут быть ей тогда деньги, если она умерла?

– А за живность? За живность-то выдай!

– За какую еще живность? За это у нас еще не платят.

Очередь подобострастно заулыбалась, предвидя скорую развязку. Однако дело осложнилось еще больше.

– Как же не платят, доча, – продолжала невозмутимо старушка, за долгий век, видимо, научившаяся ограждать свои беды от настроения чужих людей. – Она ж когда померла? Вот вчера только сороковины, царство ей небесное. А так она ишо три месяца хворала в больнице-то...

– Мне жаль, бабушка, но если человек умер, то ему и деньги как будто ни к чему, да и за что?

– А в больнице-то она жива была, не получала. За живность эту и выдай.

– Я-то здесь при чем? Объясните мне, пожалуйста.

– Так я тебе и толкую, детишки-то ее, они вроде и наследники.

– Это уж не ко мне, а в райсобес. Идите, бабушка, они вам все там решат. Следующий. Что у вас?

– Нет, ты погодь, доча. И ты погоди, не барин, не спеши, не спеши.

– В райсобес, бабушка, в райсобес.

Очередь дружно подхватила это решение, и все стали вразнохлест советовать старушке ковылять в несуществующие уже районные отделы социального обеспечения, к депутату, а Почтдеву оставить в покое. И так столько времени потеряно.

– Так я везде уже была. Не могут они все. Инвалидные на пошту свозят, кассы-то у них нету. Ты, доча, не держи их зря, а я тебя отблагодарю.

Почтдева в отчаянии бросилась в подсобку, вернулась, ухватила руками за край стойки, как хватаются утопающие за край шлюпки. Старушка не уходила, продолжая вхолостую пожевывать деснами. Очередь смялась окончательно. Все сгрудились вокруг старой женщины, объясняли ей что-то, выговаривали, жалели, хотя вряд ли кто-нибудь из них понимал всю ситуацию до конца. Рабиязабеспокоилась снова. Ей было жаль бабулю, но при такой толчее можно было совершенно спокойно проскользнуть без очереди. Вот уже двое студентиков пристроились возле Почтдевы и, чтобы вызвать у нее благосклонность, один из них особенно рьяно наседавал на старушку, а второй уже что-то подсовывал, видимо квитанцию, под стойку. И пресечь их было никак нельзя, все так спуталось.

И здесь раздался твердый, властный голос Интересного Мужчины:

– Разрешите мне. Пройдите, товарищ, в сторонку, дайте спокойно поговорить с гражданкой. Вот так. И вы, будьте любезны, не мешайте.

Все разом смолкли и растянулись по своим местам. Студентики было кинулись на отчаянный штурм Почтдевы, но и их Интересный Мужчина отстранил быстро и уверенно. Затем он не торопясь выслушал всю исповедь старушки, внимательно и по-доброму объяснил ей. Беседа у них сложилась настолько логично, с конкретными попятными деталями, что все буквально заслушались. Как под проявителем прояснилась вся трагедия семьи старушки, и было приятно сознавать, что ее не оставили в беде, никто из них не прошел мимо. Интересный Мужчина вынул из кармана блокнотик, ручку с золотым пером, записал несколько слов, вырвал из блокнотика исписанный листок и протянул его бабушке:

– Придете ко мне завтра, к десяти... там все написано... и кабинет и фамилия. Мы все решим в вашу пользу.

Старушка довольно сжала десны, взяла листок, аккуратно сложила его вчетверо и сунула вместе с пенсионными рублями куда-то в складку платья. И пошла. Но прежде уточнила у этого видившегося ею начальством мужчины:

– А живность временную дочки учтешь?

Интересный мужчина твердо ответил:

– Учту.

Все с благодарностью взглянули на Интересного Мужчину и вздохнули с облегчением. Рабия уже любила его. Все в нем было прекрасно, а торчавшие теперь в хвосте очереди студентики представлялись как бы свидетелями его мужества и порядочности. В это время Почтдева с улыбкой признательности мягко обратилась к еще не успевшему отойти Интересному Мужчине:

– А что у вас? Минуточку. Вот ваша бандероль. И спасибо вам большое за эту нелепицу престарелую, а я думала – застрелюсь.

Мужчина взял бандероль и прошел мимо обомлевшей Рабиевой к дверям Главпочтамта. Рабияустановилась в его затылок, он не был брит, но был тоже недосыгаем. Вот так всегда. С окаменевшим лицом она повернулась к Почтдеве и протянула ей свой паспорт. Девица в аляповато расшитом балахоне покопалась в своих бумажках, а затем сказала:

– Нет, Гаиповой – нет.

– Я – Рабиева, – с нажимом в голосе поправила ее получательница несуществующей посылки.

– Не морочьте мне голову. У Вас паспорт на фамилию Гаипова Рабия Мусахановна.

– Вы ошибаетесь.

– Застрелиться можно! Ну что за день!

«Разоблачила!». – наконец сообразила Рабиева, стремительно превращаясь снова в Рабию. Мало этого, Почтдева коварно спросила Рабию:

– И Вам за живность?

Рабия не стала уточнять: за чью живность ей что-то полагается, и поспешила исчезнуть из отделения почты.